

На правах рукописи

ПЛИС АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

**КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЙ ПЕРЕВОД ЕВАНГЕЛИЯ:
ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 10.02.03 – славянские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2010

Работа выполнена на кафедре славянской филологии
филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент

Новикова Анна Степановна

Официальные оппоненты:

Григорьев Андрей Владимирович,

доктор филологических наук, доцент
кафедры общего языкознания ГОУ
ВПО «Московский педагогический
государственный университет»

Пичхадзе Анна Абрамовна,

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Учреждения Российской академии
наук «Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН»

Ведущая организация:

ОУ «Московская духовная академия»

Защита диссертации состоится « 19 » мая 2010 года в 14:30 на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно будет ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Автореферат разослан « 05 » апреля 2010 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

профессор

Е.В. Клобуков

Диссертация содержит лингвотекстологический анализ кирилло-мефодиевского перевода Евангелия на основании данных внутренней реконструкции краткоапракосных чтений и чтений комплекторных частей четвероевангелия.

Актуальность исследования. История кирилло-мефодиевского перевода Евангелия является одной из ключевых проблем славистики. На протяжении двух столетий исследователи пытались выделить характеристические черты переводческой манеры славянских первоучителей. В течение двух столетий у ученых не было сомнений относительно того, какой тип Евангелия был переведен на старославянский язык первым: считалось, что вначале был переведен краткий апракос (служебное евангелие, которое содержит чтения на все будние дни от Пасхи до Пятидесятницы и на все дни Страстной недели с понедельника по пятницу, а также чтения на субботу и воскресенье в течение всего церковного года), который затем был дополнен до четвероевангелия. В то же время, отсутствие полемики не способствовало дальнейшим исследованиям по данному вопросу. Уже в конце XX в. на основе историко-литургических данных, а также работ по текстологии славянского перевода Евангелия К. Горалека¹ группой исследователей под руководством А.А. Алексеева была выдвинута концепция первичности литургического четвероевангелия². В этой связи возник вопрос об отсутствии разработанной аргументации в пользу теории первичности краткого апракоса. В настоящем исследовании представлено филологическое обоснование данной теории с применением внутренней реконструкции.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые проведен лингвотекстологический анализ краткоапракосных и тетровых чтений славянского перевода Евангелия на основании данных внутренней реконструкции. В работах, посвященных особенностям перевода в славянских

¹ Horálek K. *Evangeliaře a Čtveroevangelia*. Praha, 1954.

² Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. А.А. Алексеев, А.А. Пичхадзе, М.Б. Бабицкая, И.В. Азарова и др. СПб., 1998.

евангельских памятниках, краткоапракосные и тетровые чтения в древнейших списках часто рассматривались вместе и далеко не всегда противопоставлялись друг другу, тогда как в диссертации проводится четкое разграничение между краткоапракосными и тетровыми чтениями. Обращение к существующим богословским истолкованиям (экзегетический анализ), учет человеческого фактора («scribal intentionality») при реконструкции исходного текста, а также, в известной мере, относительность последнего – уже не вызывает больших сомнений у исследователей греческого Нового Завета³, однако редко находит отражение в палеославистике. В работе же в полной мере принимаются во внимание теоретические достижения текстологии греческого Нового Завета, заимствуется и вводится в научный оборот ряд новых для палеославистики понятий. Впервые лингвотекстологический анализ кирилло-мефодиевского перевода Евангелия проводится с учетом не только данных греческого языка, но также и древнееврейского.

Целью работы является следующее: дать филологическую аргументацию в пользу теории первичности краткого апракоса. **Задачи** исследования затрагивают многие спорные и неизученные вопросы истории славянского перевода Евангелия, а также некоторые теоретические проблемы:

1. установление характера перевода, содержащегося в краткоапракосных и тетровых чтениях (в частности, отношение к греческому оригиналу, гармонизация евангельских чтений и т.д.);
2. установление памятника, лучше всего отражающего первоначальный перевод;
3. определение значимости различных типов изменений в тексте, в том числе на разных языковых уровнях;
4. пересмотр теоретической базы исследования кирилло-мефодиевского перевода Евангелия, основных понятий (таких, как *буквальный* и *свободный* перевод).

³ Kannaday Wayne C. Apologetic Discourse and the Scribal Tradition. Atlanta, 2004.

Материалом лингвотекстологического анализа послужили старославянские канонические памятники: в первую очередь, Ассеманиево евангелие (далее *Ac*) как древнейший краткий апракос (по некоторым данным относящийся к X в.), не подвергшийся значительной редакторской правке; Мариинское (*Map*), Зографское (*Зогр*) четвероевангелия, Саввина книга (*Сав*), Ватиканский палимпсест (*Ват*). К исследованию привлекаются церковнославянские памятники разных редакций и изводов; Острожская Библия (*ОБ*), Геннадьевская Библия (*ГБ*) и Елизаветинская Библия (*ЕБ*), а также современный богослужебный текст (*совр*). Сочетание изучения синхронного среза и диахронического исследования, применение некоторых данных экзегетического анализа – позволяет помимо собственно славянских памятников привлекать к исследованию самый широкий круг евангельских переводов разных стран и эпох, в частности, данные англоязычной Библии Короля Якова (King James Bible), испанской Библии *Sagradas Escrituras*, перевода Мартина Лютера, а также перевода на русский язык Евангелия от Матфея, Луки и Марка С.С. Аверинцева.

Методы и приемы работы включают как собственно лингвотекстологический анализ, так и элементы экзегетического и исторического исследования. Лингвотекстологический анализ проводится на уровне лексики, морфологии и синтаксиса с использованием данных древнегреческого и древнееврейского языков. Ведущим методом является метод внутренней реконструкции (согласно терминологии, принятой в текстологии греческого Нового Завета – метод рациональной критики), предполагающий глубокое изучение контекстуальных признаков памятников, унифицированных чтений, языка и стиля на протяжении всего текста, выявление рече-поведенческих тактик⁴.

Теоретическую основу исследования составили работы по текстологии славянской Библии [А.А. Алексеев, Е.М. Верещагин Г.А. Воскресенский, И.

⁴ Концепция рече-поведенческих тактик разработана Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым. См.: Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М., 2001. С. 497-536.

Добрев, Л.П. Жуковская, Т.В. Пентковская, Т. Славова, М.Н. Сперанский, С.Ю. Темчин, М. Altbauer, F. Grives, K. Horálek, H.G. Lunt, L. Moszyński] и греческого Нового Завета [Bruce M. Metzger, Wayne C. Kannaday, S. Lake], экзегетике [С.С. Аверинцев, С. Семенова, J. Barr, Th. Voman, J.M. García Pérez, M. Herranz, I.H. Marshall, M. Silva, N. Turner]; труды, посвященные вопросам грамматики старославянского языка [М. Бауэрова, В.В. Бородич, Н. Ван-Вейк, С.Ю. Маслов, А. Минчева, В.Н. Топоров, Е.В. Чешко, A. Dostál, H. Galton, A. Meillet, R. Večerka], а также грамматике греческого языка Нового Завета [K. Beyer, F. Blass, A. Debrunner, A.T. Robertson].

Теоретическая значимость диссертации определяется, во-первых, тем, что в работе представлена филологическая аргументация теории первичности краткого апракоса. При этом для установления функционального типа первого славянского перевода Евангелия используются данные внутренней реконструкции с применением метода рациональной критики. Во-вторых, в исследовании показана необходимость привлечения данных экзегетического анализа для лингвотекстологического изучения Евангелия. В-третьих, применительно к славянскому переводу Евангелия, в частности, на основе исследований языка Септуагинты, пересматриваются такие термины, как *буквальный* и *свободный перевод*. Кроме того, делается попытка установить значимость разных языковых уровней – лексического, синтаксического и морфологического – в эволюции славянского перевода Евангелия.

Практическая ценность работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в курсах по славянской филологии, текстологии славянского перевода Евангелия. Материал исследования может быть полезен в связи с широко обсуждающимся в последнее время вопросом об исправлении богослужебных книг.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Концепция первичности четвероевангелия не находит подтверждения при лингвотекстологическом анализе. В то же время, полностью опровергнута та точка зрения некоторых сторонников теории

первичности краткого апракоса, согласно которой «при составлении тетра прежний перевод апракоса исправляли в лучшую сторону»⁵.

2. Перевод краткого апракоса во многом представлял собой интерпретацию, направленную на приближение к пониманию неподготовленным читателем Евангелия. Этим объясняется наличие чтений, подверженных гармонизации, слитных чтений. Миссионерско-просветительские задачи перевода обусловили и использование различных рече-поведенческих тактик: алиенации, метафоризации, специализации, - которые заключаются в отчуждения обиходного слова (или одной из его грамматических форм) с целью терминологизации, формирования переносного значения или присоединения его к одному-единственному носителю соответственно.

3. Переводчики краткого апракоса не стремились ни к точности перевода, ни к свободной передаче греческого оригинала как к самоцели.

4. Перевод, содержащийся в комплекторных частях четвероевангелия, не обнаруживает последовательной реализации переводческих принципов, продиктованных, прежде всего, миссионерскими задачами св. братьев. Что касается краткоапракосных чтений, то многие из них подверглись правке по греческому тексту. В тексте четвероевангелия со всей отчетливостью просматривается тенденция к однозначному соответствию исходному тексту, что часто проявляется в закреплении за каждой лексемой своего греческого эквивалента. В работе не ставится цели выяснить, кому принадлежал этот перевод, а также является ли он первоначальным переводом четвероевангелия, однако есть все основания усомниться в его принадлежности перу св. братьев.

5. Памятником, ближе всего отражающим первоначальный кирилло-мефодиевский перевод, является *Ac*. Такое заключение можно сделать, главным образом, на основании единой линии перевода, прослеживающейся в данном памятнике. Не находит подтверждения версия о том, что индивидуальные чтения в *Ac* свидетельствуют о его исправлении в Преславе. Опровергается и

⁵ Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 304.

гипотеза, высказанная К. Горалеком, согласно которой краткоапракосный текст лучше всего сохранился в Мариинском и Зографском четвероевангелиях.

6. Сравнение результатов исследования с выводами, полученными без привлечения данных экзегетического анализа, показало, что при лингвотекстологическом изучении Евангелия всегда следует учитывать особый характер евангельского языка, в котором не все может быть выражено напрямую и однозначно, особенно если речь идет о словах Иисуса Христа. Эта *неопределенность* (“vagueness”) языка соответствующих евангельских чтений хорошо осознается западными исследователями Нового Завета. Слависты зачастую недооценивают значение экзегетического анализа при работе с Евангельскими рукописями, что приводит к непониманию и, хуже того, трактовке тех или иных славянских чтений как незакономерных или ошибочных.

7. Одни лишь лексические разночтения не могут служить единственной доказательной базой для установления первоначального перевода Евангелия. Результаты, полученные в ходе такого исследования, не могут считаться надежными. Палеославистам также следует обратиться к глубинным уровням языка – морфологии и синтаксису. Это, конечно, не означает отказа от привлечения данных лексики. Здесь речь идет лишь о том, что необходимо установить ее статус в ряду других языковых уровней для достижения поставленных целей.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы обсуждались на международных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008», «Ломоносов-2009», на Международной конференции молодых филологов (Тарту, 2009 г.), на V Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, ГТГ, 2009 г.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и их условных сокращений и библиографии,

насчитывающей 166 позиций, из которых 75 – на иностранных языках (на большинстве славянских, английском, немецком, французском и испанском).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается обоснование выбора темы и метода исследования, характеризуются его цели и задачи, очерчивается круг используемых источников.

Первая глава «История и методология кирилло-мефодиевского перевода Евангелия» состоит из трех разделов. В ней представлена необходимая терминология и краткий обзор истории изучения славянского перевода Евангелия. В ней также рассматриваются важнейшие методологические проблемы.

В первом разделе дается определение функциональных типов Евангелия в контексте вопроса о первоначальном кирилло-мефодиевском переводе. Главным аргументом в пользу первичности краткого апракоса долгое время оставалось указание в 14 главе Жития Константина (Паннонской легенде) на то, что работа над переводом Евангелия была начата с первого стиха Евангелия от Иоанна, открывающего краткоапракосные чтения: **искони бѣ слово и слово бѣ оу бога и богъ бѣ слово**.

Сторонники теории первичности четвероевангелия представили свои аргументы историко-литургического характера. По их мнению, послание князей Ростислава и Святополка императору Михаилу III содержало просьбу прислать наставников-миссионеров, а не священников для организации славянского богослужения. Для катехизации подходило только служебное четвероевангелие (древнейшие евангелия тетр – Мариинское и Зографское – содержат следы лекционной системы). В то же время, использование четвероевангелий при богослужении обуславливалось практикой «двойных» чтений по латинскому обряду⁶.

⁶ Пентковский А. М. Лекционари и четвероевангелия в византийской и славянской литургических традициях // Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998. Приложение 1.

Более или менее разработанная филологическая аргументация не была представлена ни одной из сторон. Причиной того, что установить первичность того или иного функционального типа славянского Евангелия оказывается весьма сложно, может служить взаимодействие апракосов и тетров, имевшее место в ходе истории славянского Евангелия, в результате которого языковые и текстологические различия между ними могли стираться.

Второй раздел посвящен понятию редакции и извода. В нем также дается краткая характеристика основных редакций славянского перевода Евангелия, начало изучения которых положил в своих трудах Г.А. Воскресенский. В результате обзора существующих исследований делается вывод о том, что изучение редакций кирилло-мефодиевского перевода, являющееся частью внешней реконструкции, не может быть решающим при установлении функционального типа первого славянского перевода Евангелия, а также при установлении списка, ближе всего отражающего древнейший перевод. На недостатки внешней реконструкции указывал еще М.Н. Сперанский. По его мнению, при подборе и анализе материала следует руководствоваться не исключительно древностью той или иной рукописи, но также и ее «внутренними достоинствами», поскольку «между позднейшими списками Евангелия могли оказываться, хотя, конечно, не часто, такие, которые могут иметь значение равное со многими древними, а иногда и преимущество перед иными из них»⁷. Таким образом, правильнее было бы противопоставлять между собой не списки, а отдельные чтения.

Здесь также затрагивается проблема необходимости внутренней реконструкции, которой и посвящена аналитическая часть работы.

В третьем разделе рассматриваются вопросы методологии исследования славянского перевода Евангелия: проблема отношения к греческому оригиналу, проблема классификации видов изменений, произведенных в процессе бытования славянского текста Евангелия, установление значимости

⁷ Сперанский М.Н. Рецензия М.Н. Сперанского на труды Г.А.Воскресенского // Отчет о тридцать девятом присуждении наград графа Уварова. Записки имп. Академии наук, сер. VIII, т. III, №5. СПб., 1899. С. 10.

морфологического, синтаксического и лексического уровней для изучения кирилло-мефодиевского перевода, вопрос о внутренней и внешней реконструкции.

Отметим общую для всех этапов развития палеославистики тенденцию усматривать за случаями свободного перевода, гармонизации текста, вставок, пропусков и др., во-первых, различные редакции греческого текста, во-вторых, влияние иноязычных текстов, например, латинского или же славянских текстов других редакций; наконец, в-третьих, меньшую сохранность (иными словами, *порчу* (*corruptio*) кирилло-мефодиевского перевода. Так или иначе, указанные особенности славянских евангельских памятников редко относят непосредственно к кирилло-мефодиевскому переводу.

В начале XX века необходимость строгой ориентации на язык оригинала при исследовании и издании древних текстов отстаивал И.Е. Евсеев. Несколькими десятилетиями позже указанный подход к проблеме греческого оригинала развился в другую крайность – оценивать как первичные те чтения, в которых греческий текст передается более свободно. Такой подход характеризует, в частности, метод К. Горалека. Так, чешский ученый высказывает идею о наличии черт кирилло-мефодиевского перевода в Саввиной книге лишь на основании того, что ее язык отличается большей свободой по отношению к греческому оригиналу⁸.

Метод, основанный на изучении лексической синонимии, восходящий еще к трудам И.В. Ягича, применяется большинством исследователей кирилло-мефодиевской проблематики. Данный метод был подвергнут резкой критике Л.П. Жуковской. По ее словам, исследователи часто отбирают показательную, с их точки зрения, лексику, служащую доказательством развиваемой гипотезы, тогда как остальной материал, не согласующийся с данной гипотезой, оставляется ими без внимания⁹.

⁸ Horálek K. *Evangeliaře...* S. 209: *Idem. Význam Savviny knihy pro rekonstrukci staroslověnského překladu evangelia.* Praha, 1948.

⁹ Жуковская Л.П. *Текстология и язык древнейших славянских памятников.* М., 1976. С. 128

Здесь также дается характеристика основных методов исследования кирилло-мефодиевского перевода. На протяжении истории изучения славянского перевода Евангелия была разработана и широко применялась внешняя реконструкция, которая включала в себя метод выделения стабильных чтений, сформулированный Г.А. Воскресенским, типологический метод Л.П. Жуковской, изводный и типолого-трансляциологический методы. В рамках внутренней реконструкции можно выделить метод лингвистической герменевтики, разработанный А.М. Камчатновым. В конце раздела формулируется метод диссертационного исследования, который в текстологии греческого Нового Завета принято называть методом рациональной критики. В рамках данного метода учитываются, прежде всего, просветительские задачи перевода, унификация повторяющихся чтений, ближайший контекст, а также язык и стиль на протяжении всего перевода.

Вторая глава представляет собой аналитическую часть работы. В ней дается анализ, с одной стороны, краткоапракосных чтений, и чтений из комплекторных частей четвероевангелия – с другой. В первую очередь рассматриваются краткоапракосные и тетровые чтения, анализ которых может сыграть решающую роль в полемике по исследуемому вопросу. Анализу подвергаются не только отдельные чтения, но и часто повторяющиеся в тексте Евангелия грамматические формы и стилистические приемы. Многие из них не получили должного освещения в палеославянистической литературе. Другие же, уже раньше ставшие предметом лингвотекстологического анализа, в нашей работе получают более широкое освещение – и новую оценку.

Вторая глава состоит из семи разделов.

В первом разделе исследуются ошибки перевода в комплекторных частях четвероевангелия. Рассматриваемые ошибки не являются индивидуальными чтениями отдельных памятников. Они засвидетельствованы по крайней мере во всех канонических старославянских памятниках, что свидетельствует об общем протографе. Например, в чтении от Луки 8:4 переводчик ошибочно принял

причастие *συνιόντος*, образованное от глагола *σύνεσι* *собираться вместе*, - за *συνιέντος* – причастие от *συνίησι* *понимать*.

Во втором разделе рассматриваются индивидуальные чтения Ассеманиева евангелия.

Ассеманиево евангелие до сих пор не стало предметом сколько-нибудь подробного грамматического анализа. По мнению некоторых исследователей, случаи многочисленных ошибок писцов в Ассеманиевом кодексе могут свидетельствовать о том, что изменения были внесены механически, и едва ли имела место намеренная правка.

В диссертации опровергается версия о том, что индивидуальные чтения в *Ac* свидетельствуют о его исправлении в Преславе. Грамматические особенности в *Ac* (например, видо-временные формы глаголов), в отличие от *Зогр* или *Сав*, относятся к македонским говорам, которые были распространены в районе Солуни¹⁰. Кроме того, установка редактора-справщика на нормализацию текста, приведение его в соответствие с каким-либо одним греческим списком, была прямо противоположна той, что засвидетельствована в *Ac*. Таким образом, опровергается гипотеза, высказанная К. Горалеком, о том, что краткоапракосный текст лучше всего сохранился в Мариинском и Зографском четвероевангелиях.

Анализируемые чтения, представляя собой в некотором смысле интерпретацию греческого оригинала, не вошли в церковнославянскую традицию.

Третий раздел посвящен лингвотекстологическим особенностям краткоапракосных чтений. В литературе по славянскому переводу Евангелия не принято разграничивать краткоапракосные и тетровые чтения. Для обозначения группы рукописей, не подвергшихся масштабной редактуре (большую часть этой группы составляют канонические старославянские памятники), обычно используют термин *древний текст*. Как показано в диссертации, именно

¹⁰ Бородич В. В. К истории форм настоящего времени глаголов совершенного вида в древнеболгарском языке. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1951. Т. III. С. 388.

отсутствие дифференциации краткоапракосных и тетровых чтений не позволило исследователям славянского перевода Евангелия сделать вывод о первичности краткого апракоса. В данном разделе рассматриваются восходящие к краткому апракосу чтения, которые были восприняты исследователями как незакономерные или ошибочные. Одно из них (*Ин 12:5*), вслед за К. Горалекком, рассматривает и приводит в качестве аргументации в пользу теории первичности четвероевангелия А.А. Алексеев¹¹. В памятниках *Ас Мар Сав* и др., по мнению А.А. Алексеева, находим одну и ту же ошибку – несогласованность существительного среднего рода *мврѡ* с формально соответствующим ему местоимением.

Детальное грамматическое исследование, с одной стороны, и экзегетический анализ – с другой, – позволяют отнести указанное чтение к числу так называемых «темных мест».

Существительное *τὸ χρίσμα* и глагол *χρίω* в языке Нового Завета употребляются исключительно в абстрактном значении, а слово *Χριστός* *Помазанник* передает еврейское понятие *מָשִׁיחַ māšîaḥ* *Мессия* (арамейское *māšîḥā*). В буквальном значении *натирать, совершать помазание* в Новом Завете употребляется глагол *ἀλείφω* (ср. выше. *Ин. 12:3*). С точки зрения теории рече-поведенческих тактик данное явление можно назвать алиенацией, то есть отчуждением обиходного слова от свойственной ему семантики с целью терминологирования.

Очевидно, что при анализе чтения *Ин 12:3-8* нельзя ограничиваться лишь анализом лексики. В Мариинском евангелии обращает на себя внимание чтение **въ день погребениѣ моего съвѣдѣ ѿ** с аористом вместо конструкции с **да** в других памятниках:

да въ день погребениѣ моего съвѣдетъ ѿ *Ас Зогр Добром Юр Мир*

¹¹ Евангелие от Иоанна... С. 20-21.

Вариант **въ день погребениѣ моего съблѣде ѿ**, очевидно, является вторичным, что подтверждают разночтения в самом греческом тексте. В греческом тексте большинства вместо ἵνα...τηρήσῃ αὐτό находим τηρήκεν αὐτό.

Следует помнить и о сознательной установке Евангелистов (в отдельных случаях) на неоднозначность, недосказанность в передаче слов Христа. Греческое αὐτό, не предполагающее однозначной интерпретации, может быть воспринято на разных уровнях – конкретном и символическом, при этом абстрактная мысль передается при помощи материального образа. По одной из версий, в данном случае подразумевается μνημόσυνον *память*, на что также указывают параллельные места в Евангелиях.

В четвертом разделе исследуется гармонизация в краткоапракосных чтениях, отразившаяся, прежде всего, в тексте *Ac*.

В настоящее время нет четкого ответа на вопрос о том, как характеризовать наличие слитных чтений в рукописях. Так, А.А. Алексеев склонен считать такого рода чтения, представляющие собой соединение нескольких редакций греческого или славянского текста Евангелия, показателем смешанного текста, то есть сводной редакции. Данное явление объясняется тем, что при переписке рукописей, составлявших основу литургической практики, использовалось несколько оригиналов, вследствие чего с течением времени все большее количество индивидуальных чтений устранялось из текста. Таким образом, типические черты должны были преобладать над единичными.

Однако на практике эта проблема выглядит иначе. Слитные чтения являются весьма редким явлением в рукописях, поскольку «расположение друг рядом с другом чтений из разных источников заметно меняет форму изложения и сказывается, как правило, на содержании»¹².

¹² Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 50.

В *Ac* отчетливо видна тенденция к гармонизации (унификации) чтений. Это явление характерно и для греческих списков Евангелия, начиная с II века. Оно было обусловлено попытками дискредитировать христианство со стороны язычников и, соответственно, стремлением апологетов христианства устранить противоречия в передаче одних и тех же событий евангелистами.

Гармонизация может проявляться как во взаимовлиянии Евангелий, так и в рамках одного Евангелия, а также в уподоблении Евангелия тексту Септуагинты или другим источникам.

В диссертации высказывается предположение о том, что гармонизация в славянском переводе Евангелия могла не зависеть от греческого оригинала.

Приведем пример:

Мк 5:34 ὁ δὲ εἶπεν αὐτῇ• θυγάτηρ, ἡ πίστις σου σέσωκέν σε• ὑπάγε εἰς εἰρήνην καὶ ἴσθι ὑγιῆς ἀπὸ τῆς μάστιγός σου

Среди сохранившихся греческих списков фраза καὶ ἴσθι ὑγιῆς ἀπὸ τῆς μάστιγός σου пропущена лишь в рукописи 1546 (XIII в.)¹³. Ср. в славянском переводе:

исъ же рече еи дъшти вѣра твоѣ спсе тѧ иди съ миромъ. І вѣди цѣла

отъ раны твоѣѧ *Мар Зогр*

онъ же рече еи дъщи вѣра твоѣ спсе тѧ иди в мѣ *Ac Чуд*

исъ же рече вѣра твоѣ спсе тѧ иди съ миромъ *Сав*

исъ же рече дързан дъщи вѣра твоѣ спсе тѧ иди съ миромъ *Реймс*

Онъ же рече ѿн: дщи, вѣра твоѧ спсе тѧ: иди въ мѣрѣ и вѣди цѣла ѿ

раны твоѣѧ. *совр*; так же в *Конст ОБ ЕБ*

Пропуск слов **І вѣди цѣла отъ раны твоѣѧ** в передаче речи Иисуса Христа в *Ac* может свидетельствовать не столько о влиянии параллельных мест Евангелия или греческого оригинала, сколько о последовательности в передаче

¹³ Lake S. Family Π and the codex Alexandrinus. The text according to Mark. London, 1937. P. 83.

описываемого эпизода в целом, и, что особенно важно, скрытого в нем послания об исцелении через веру.

В пятом разделе рассматривается проблема семитизмов в славянском переводе Евангелия. Исторические предпосылки для изучения славянского перевода в связи с семитскими языками широко известны: помимо непосредственного перечисления языков, которыми владел Константин, а также упоминания о составленной им еврейской грамматики в Житии Константина, имеются и косвенные подтверждения. Наличие семитизмов в славянском тексте Евангелия объясняется, с одной стороны, влиянием изобилующего семитизмами греческого перевода Ветхого Завета (Септуагинты) на оригинал Нового Завета, с другой – воздействием арамейского языка на язык синоптических Евангелий.

Известно, что вопрос о семитском влиянии на Евангелие является спорным. Поэтому, как подчеркивается в работе, в рамках исследования славянского перевода Евангелия следует изучать семитизмы в связи с переводческой деятельностью Кирилла и Мефодия, знавших древнееврейский язык (во всяком случае, Кирилл) и Священное Писание. Приведем пример:

Лк 1:49 ὅτι ἐποίησέν μοι μεγάλα ὁ δυνατός

quia fecit mihi magna qui potens est

Ѡко сътвори миѣ величїе силъны *Ac Зоґр ОБ совр* и др.

величьѣ *Мар*

величьствиа *Ват*

В чтении от Луки 1:49 в большинстве памятников, а также в *совр* сохранен перевод греческой формы множественного числа μεγάλα формой единственного числа **величїе**, восходящий к краткому апракосу. Напротив, в латинском тексте засвидетельствовано *magna*, в английском – *great things*, в испанском – *obras grandes*. В диссертации обращается внимание на противоречие, которое несет в себе форма множественного числа μεγάλα,

поскольку Дева Мария говорит об одной милости, которую сотворил ей Господь¹⁴. Перед нами, вероятно, древнееврейское לִילִיטָּ gəḏōlōt *великие (дела)*. Форма множественного числа в данном случае, очевидно – pluralis excellentiae. Таким образом, множественное число μεγάλα следует понимать не буквально, а лишь как отражение стилистического приема, характерного для древнееврейского языка. Перевод **ВЕЛИЧИЕ**, свидетельствующий о глубоком знании переводчиками языка Священного Писания, следует признать первичным.

Шестой раздел посвящен варьированию форм числа существительных в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия.

Лингвотекстологический анализ проводился в том числе на уровне морфологии и синтаксиса. В частности, были исследованы беспредложные падежные формы в славянском переводе Евангелия, многие из которых (например, беспредложный локатив, винительный в обстоятельственно-определяющей функции, дательный при глаголах желания) начали выходить из живого употребления еще в период возникновения канона старославянских памятников, однако более или менее последовательная замена архаичных форм была проведена лишь при создании *ЕБ*, то есть в XVIII в. Также были сделаны некоторые наблюдения относительно видо-временных форм глагола.

Есть основания утверждать, что некоторые разночтения, относящиеся к формам числа отдельных существительных, свидетельствует о наличии определенной переводческой стратегии св. братьев.

В греческом тексте Евангелия сложно выявить правила, которые бы регулировали употребление единственного или множественного числа таких существительных, как καρπός *плод*, λαός *народ*, ἄρτος *хлеб*, γάμος *брак*, καρδία *сердце*, θύρα *дверь*. Это связано с особенностями функционирования форм числа в древнееврейском языке (и, шире, в семитских), где, как известно, множественное число часто означало интенсивность, протяженность,

¹⁴ García Pérez J.M., Herranz M. La infancia de Jesús según Lucas. Madrid, 2000. P. 54.

отвлеченность и пр. В разделе рассматриваются особенности перевода форм числа существительных **ПЛОДЪ**, **СРЪДЫЦЕ** и **ДВЪРЬ** в славянском переводе Евангелия, при этом во многих случаях соответствующие чтения не подкрепляются греческим оригиналом.

Варьирование форм единственного и множественного числа существительных не привлекало должного внимания исследователей. Это объясняется тем, что в старославянских и церковнославянских памятниках невозможно выявить какого-либо принципа употребления указанных форм. Однако данное утверждение относится не ко всем памятникам. Так, в тексте *Ac* имеет место вполне отчетливая практика альтернации, то есть отчуждения форм множественного или единственного числа указанных слов для модификации исходной семантики, в отдельных случаях - метафоризации. Данная особенность отличает *Ac* от других памятников, в частности, *Mar*, где выбор той или иной формы кажется случайным. Приведем пример анализа употребления форм единственного и множественного числа слова **ПЛОДЪ**:

Мф 7:17 οὕτως πᾶν δένδρον ἀγαθὸν καρποῦς καλοῦς ποιεῖ, τὸ δὲ σαπρὸν δένδρον καρποῦς πονηροῦς ποιεῖ

ТАКО ВСѢКО ДРѢВО ДОБРО • ПЛОДЫ ДОБРЫ ТВОРИТЬ • А ЗЪЛО ДРѢВО ПЛОДЫ ЗЪЛЫ ТВОРИТЬ • Mar; так же в *Остр Ник Мст (30г,172б) Чуд ОБ и др.*

ТАКО И ВСЕ ДРѢВО ДОБРОЕ • ДОБРЫИ ПЛОДЪ ТВОРИТЬ • А ЗЪЛОЕ ДРѢВО • ЗЪЛЫИ ПЛОДЪ ТВОРИТЬ • Ac

В чтении от Матфея 7:17, в соответствии с формой множественного числа καρποῦς в греческом, в большинстве старославянских и церковнославянских памятников, а также современном богослужебном тексте находим форму множественного числа **плоды́**, тогда как в *Ac* – форму единственного числа **плодъ**. Ср. противоположный пример, в котором греческой форме единственного числа καρπὸν в *Ac* соответствует форма множественного числа **плодѣи**:

Мф 3:8 ποιήσατε οὖν καρπὸν ἄξιον τῆς μετανοίας

СЪТВОРИТЕ ОУБО ПЛОДЪИ ДОСТОИНЪИ ПОКАНИЮ *Ас Ник Бан Карп Мст(184б) ОБ совр*

СЪТВОРИТЕ ОУБО ПЛОДЪ ПОКАНИА *Реймс*

...ПЛОДЪ ДОСТОИНЪ ПОКАНИЮ (ПОКАНИА *Арх*) *Ват Остр Арх*

Вероятно, не посчитав возможным в выборе форм числа существительного **ПЛОДЪ** опереться на греческий оригинал Евангелия, в котором нет единообразия и четких критериев выбора этих форм, – первые славянские переводчики обратились к древнееврейскому языку и греческому Септуагинты. В древнееврейском языке слово פֵרִי *рi* *плод*, которое соответствует греческому καρπὸς в значении *плоды дерева*, является собирательным и не имеет формы множественного числа. В диссертации высказывается мысль о том, что указанное древнееврейское соответствие могло повлиять на выбор форм числа существительного **ПЛОДЪ** в чтении от Матфея 7:17 в *Ас*. В чтении от Матфея 3:8 греческому καρπός могло соответствовать древнееврейское תבואה *təbū`ā* *урожай* которое буквально означает *приход, прибыль*. В Ветхом Завете оно также зафиксировано в форме множественного числа תבואה. Именно это последнее значение и отражено в *Ас*. Такая упорядоченность в употреблении форм числа в отрывках, передающих речи Иисуса Христа, свидетельствует о значении, которое придавали именно этим чтениям св. братья.

Эти качества славянского перевода, до сих пор не изученные, служат еще одним подтверждением выдающегося миссионерского таланта св. братьев.

Седьмой раздел посвящен изучению стилистических особенностей в славянском переводе Евангелия. Лексическая вариативность в славянском переводе Евангелия изучена достаточно хорошо. Между тем, выявляя различные варианты передачи одного и того же греческого слова, исследователи не всегда видят разницу между лексической и стилистической вариативностью. В работе рассматриваются различные варианты перевода греческих слов μάχαρα, θαυμάζω, πατάσσω, σιτευτός, χήρα, а также отдельных

риторических фигур, в частности, винительного внутреннего содержания. Соответствующие примеры уже известны в палеославистике, однако в диссертации впервые их изучение проводится в контексте проблемы установления функционального типа кирилло-мефодиевского перевода.

Проведенный в работе лингвотекстологический анализ показал, что точный перевод с греческого, или, наоборот, свободная передача текста оригинала не входили в круг задач переводчиков краткого апракоса, которые руководствовались, прежде всего, миссионерско-просветительскими целями. Так, при передаче речей Иисуса Христа, в которых неясность, затемненность выражения была частью «неприступной сакральности» (термин С.С. Аверинцева), первые переводчики старались не нарушить ее и передать характер этого языка, в котором за бытовыми, мирскими образами всегда просвечивается высший смысл. Именно в этом ключе следует рассматривать наличие в кирилло-мефодиевском переводе некоторых грецизмов, таких, например, как *мврѡ* (τὸ μύρον) в чтениях, повествующих о вечери в Вифании. Так же следует понимать и упорядоченное употребление некоторых грамматических форм в *Ас*, например, форм числа - в отличие от других памятников и греческого оригинала, в котором имеет место случайное употребление указанных форм. С другой стороны, в случаях, когда та или иная деталь представлялась несущественной, первые переводчики могли прибегнуть к упрощению и не следовать буквально греческому тексту (ср. в чтении от Марка 7:32 *нѣмъ* вместо закономерного *гжгнѣвъ* в соответствии с греческим *μογιλάλος* *с трудом говорящий, косноязычный*).

В **Заключении** подводятся итоги лингвотекстологического исследования кирилло-мефодиевского перевода. Проведенный нами анализ позволяет предположить, что первым на старославянский язык был переведен краткий апракос. Вопросы, затронутые в диссертации, не могут считаться до конца решенными. Однако полученные данные свидетельствуют о необходимости

более масштабного изучения славянского перевода Евангелия с помощью внутренней реконструкции.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

- 1. Плис А.С. Реликтовые беспредложные синтаксические конструкции в славянском переводе Евангелия от Луки // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. №4. С. 105-115.**
2. Плис А.С. Ассеманиев кодекс в контексте истории первого славянского перевода Евангелия // Acta Linguistica. Vol 4, № 1 (2010). <http://open.slavica.org/index.php/als/article/view/236/346> (электронный ресурс)
3. Плис А.С. Видо-временные формы глаголов в повторяющихся чтениях Мстиславова евангелия в контексте истории славянского перевода Евангелия от Луки // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2009. № 3 (37). С. 90-92.